Наталья Лебедева

Рецензия на книгу:
Сеннет Р. Падение публичного человека. — М.: Логос, 2002. — 424 с.

Описывая то, каким образом урбанисты и социологи мыслят городское пространство, трудно удержаться от метафоры военных действий и не упомянуть «противостояние между двумя лагерями и кланами исследователей» [Вахштайн 2012]. Однако стоит ли противопоставлять способы мышления урбаниста и социолога? В чем принципиальная разница этих подходов? Насколько непроницаема граница между ними? Например, Е. Трубина пишет, что оба подхода обладают «общим языком» и «урбанистическую теорию можно с уверенностью считать частью социальной теории» [Трубина 2010: 15]. Насколько справедливо это утверждение? В конце статьи я вернусь к этим вопросам, а пока ограничусь констатацией неоднозначности отношений между подходами урбанистов и теоретиков.

Ресурс осмысления городского пространства, который мог бы объединить два враждующих лагеря и стать общей теоретической платформой, предлагает книга Р. Сеннета «Падение публичного человека», в которой осуществлен синтез этнографии, исследований культуры, истории, социологии, психологии, экономики и даже истории философии. Постараемся понять, почему такого объединения не произошло.

Автор отечественному читателю известен меньше, чем хотелось бы: на русский переведены две работы исследователя: «Коррозия характера» и «Падение публичного человека». Центральная тема исследований выпускника Гарвардского университета 1969 года — это город и городская жизнь. Сеннет — искусный писатель, чьи научные работы читаются, словно авантюрный роман. Как социальный аналитик он продолжает традицию прагматизма, начатую Уильямом Джеймсом и Джоном Дьюи.

Наталья Дмитриевна Лебедева — студентка философско-социологического факультета РАНХиГС.

«Падение публичного человека», в оригинале опубликованная в 1977 году, описывает городское пространство как область, в которой ярче всего проступает граница между приватным и публичным. Автор выделяет три основных подхода к публичной сфере. Первый связан с именем Х. Арендт, для которой публичное пространство мыслится по модели древнегреческого полиса. В работе «Vita activa, или О деятельной жизни» Арендт противопоставляет пространство приватное и публичное: полис представляет собой «область свободы», пространство для выражения индивидуальности, в то время как «порядок домохозяйства опирался [...] на неравенство» [Арендт 2000: 94] (ниже я постараюсь проанализировать сочетаемость исследовательских метафор Сеннета и Арендт). Во втором подходе, связанном с Ю. Хабермасом, «публичность» не имеет строгой привязки к центру города и менее «телесно-ориентирована»: она появляется везде, где существует область свободного от принуждения диалога, ориентированного на достижение согласия. Наконец, третий подход представлен в трудах К. Гиртца, И. Гофмана и самого Сеннета, где особое внимание уделяется поведению на публике. Однако «социальная драматургия» Гофмана, по словам Сеннета, «являет собой не столько общую теорию социума, сколько главный симптом современной болезни», которую исследователь рассматривает, обозначая все стадии ее развития — от описания латентного периода до предсказания исхода.

Заглянем в историю «болезни» пациента — публичного человека. В основе различения приватной и публичной сфер для Сеннета лежит то, что он обозначает как «притворство» — направленная на «аудиторию посторонних» манерность поведения; чрезмерность выражения чувств, присущая актерам в театре, которую Гофман называет «экспрессивной функцией», связанной с исполнением роли и желанием управлять производимым впечатлением [Гофман 2003: 43]. Это действие на публику и для публики. Обратим внимание на различие подходов Сеннета и Арендт. Для последней граница демаркации между сферами приватного и публичного тождественна границе «общего мира» — мира вещей между людьми — и «сводится в конечном счете к разнице между вещами, предназначенными для публичности, и теми, для которых нужна потаенность» [Арендт 2000: 75], не произвольная и не привязанная исключительно к историческим обстоятельствам, но заложенная в самой сути дела. Иными словами, Арендт делает акцент на категории «что». Сеннет же, проводя аналогичное различение, обращается к «искусству поведения» — внешнему выражению роли, ее правдоподобному исполнению, то есть к категории «как».

Как замечает Сеннет, проблема в том, что в основе лицедейской трактовки поведения людей лежит одно важное допущение, осно-

ванное на различении «веры в условность» и «веры в личность». Иными словами, представление не состоится, если не будет веры в то, что «весь мир лицедействует», как гласила надпись на фронтоне шекспировского театра «Глобус». Таким образом, вера в условность происходящего замкнута сама на себя: она основывается на предшествующем опыте взаимодействия. Однако на каком-то этапе эта связь разрывается и происходит смешение публичной и приватной жизни. Суть трансформации — в сбое механизма доверительности: «Люди очень личностно относятся к общественным делам, распоряжаться которыми надлежащим образом можно лишь как безличными», ведь театральность дружественна публичной жизни и враждебна интимно-личностному. Диагноз, который выносит Сеннет публичному человеку в современном обществе, — гипертрофия самости, или культ интимности. «Мы попытались сделать факт пребывания в приватном, наедине с самими собой, семьей и близкими друзьями, самоцелью», — констатирует исследователь.

Автор выделяет несколько симптомов, которые он находит, например, в «сегодняшнем политическом словоупотреблении», в странном поведении публичного человека, которое наблюдается с середины XIX века сначала в Париже и Лондоне, затем в других столицах: молчание в публичных местах, уверенность в существовании права на некоторую границу, права быть в одиночестве и др. Сеннет предлагает посмотреть, куда уходят корни недуга, и замечает их в разрушении публичного пространства под воздействием индустриального капитализма и секуляризации, которые сформировали новую капиталистическую светскую городскую культуру. Старый режим разрушился, расколов идентичность публичного человека: осталась малочисленная группа актеров, рядом с которыми выросла новая идентичность — появилось множество безмолвных зрителей, которые остаются в зрительном зале, даже когда актер уходит со сцены.

Как же трансформируется кодекс социальных отношений в обществе, живущем по законам приватной жизни? Сеннет выделяет две отличительные черты нового порядка общественных отношений: нарциссизм и образование особого типа сообщества. Под нарциссизмом Сеннет понимает особый способ существования, в котором реальность становится важна для человека лишь в том случае, если обещает отразить его интересы. Это не есть эгоизм, не есть себялюбие. Напротив, нарциссизм — противоположность этих понятий, его скорее можно сравнить с аскезой. Каждое мгновение представляется не новым переживанием, а опытом, в котором человек ищет свое отражение, зеркало своей самости, тем самым «обесценивая каждое конкретное взаимодействие», предавая опыту непрерывность и пустоту. Самость в тексте выступает ближайшим синонимом лично-

сти: «Самость человека (person's self) стала основным бременем каждого, самопознание, вместо того чтобы быть средством познания мира, стало целью. Именно потому, что мы слишком поглощены собой, нам крайне сложно понять принцип приватного, отчетливо объяснить себе и другим, что такое наша личность (personalities)».

Тут логично задать автору вопрос: что же продолжает удерживать людей вместе? Откуда у людей, которые углубились в приватную сферу, возьмется общее представление о коллективной личности и коллективное самосознание? Ответ Сеннета прост: дело в проекции. Боясь обнаружить мертвое публичное пространство, люди стремятся создать для себя иллюзию некоторого сообщества, иллюзию защищенности, открытости и искренности в общении при помощи усилий воображения. Таким образом, мы видим, что агенты публичного пространства представляют собой безмолвную толпу фланеров, каждый из которых посредством фантазии, веры в близость конструирует единое публичное пространство, по факту нигде не сосредоточенное.

Вновь обратившись к концепции Арендт, мы увидим принципиально иное понимание агентов публичного пространства и того, как создается его единство. Напомним, что для Арендт именно площади полиса — греческая агора или римский форум — воплощают идеальное публичное пространство, пространство, где горожане собираются для обсуждения значимых общественных вопросов, обретения признания и т. п. Таким образом, существует определенная локализация деятельности; агент входит в очерченную зону публичного пространства со своей речью и действием, раскрывая свою уникальность, потому как «все сходящиеся в нем каждый раз занимают тут разные позиции, и местоположение одного так же не может совпасть с местоположением другого, как и местоположение двух предметов. Увиденность и услышанность другими получает свою значимость от того факта, что каждый смотрит и слушает с какой-то другой позиции. Это как раз и есть смысл публичного сосуществования, в сравнении с которым самая богатая и удовлетворяющая семейная жизнь может предложить лишь распространение и размножение собственной позиции и присущих ей аспектов и перспектив» [Арендт 2000: 43]. Единство публичного здесь задано одновременно и единством отношений, происходящих в нем, и множественностью перспектив наблюдения. Понятое таким образом публичное пространство представляет собой не виртуальную общность, как в концепции Ю. Хабермаса, и не производную от множества авторизированных личностей, получаемую с помощью функции воображения; оно связано с непосредственным взаимодействием людей. Мы видим, что метафоры театра и полиса предполагают различное понимание публичного пространства, его локализации и функций.

Однако у них есть точки пересечения. Например, оба варианта публичного пространства открыты, и вместе с тем в них присутствует элемент внешнего контроля. В одном случае эта несвобода связана с политическим контролем, в другом — с убеждением в соблюдении определенного негласного порядка поведения в зале и, кроме того, с верой в присутствие контролера на выходе, также следящего за происходящим.

Заключив, что заболевание публичного человека приобретает все более тяжелые формы, Сеннет отмечает, что поражению подвергаются смежные феномены социальной жизни: власть и поселения. Он не берется оценивать шансы публичного человека на выздоровление, но прописывает свое лекарство от недуга: формирование нового принципа политического поведения. Сеннет надеется, что люди смогут выбраться из своей интимности, отбросят страх перед безличной жизнью, научатся ставить цели и «агрессивно преследовать свои интересы». Город должен стать «форумом, где возможно общение и единение с другими людьми без необходимости сближения на личном уровне», «местом конфликтов и интересов».

Вернемся к проблематике дисциплинарных границ и попытаемся понять, в какой области знания могла бы занять достойное место работа «Падение публичного человека». После проведенного анализа читатель должен признать ее несомненный потенциал для осмысления пространства не только городской жизни, но и иных теоретических уровней. Воспроизведем критические аргументы «лагеря социологов». Они таковы: урбанист исходит из того, «что мы смотрим на город как бы сверху; мы видим его проблемы, как если бы он находился перед нами целиком. Мы пытаемся помыслить город в целом, поэтому помещаем себя как бы вне него» [Вахштайн 2012]. Однако урбанисты бросают похожий упрек в сторону социологов: «Интерес к эпохальным переменам оборачивается абстрактной аргументацией и редкими примерами» [Трубина 2010: 17], а «реальные процессы, происходящие в городах, в том числе появление новых социальных форм, остаются без внимания и должного непредвзятого анализа» [Паченков 2012]. Дело, скорее, в том, что, несмотря на желание охватить все явления города единым взглядом «сверху», урбанисты ищут причины этих явлений «изнутри». Для урбаниста нет ничего за пределами города, это главное пространство, куда направлен взгляд. Проблема такой позиции — в невозможности поместить механизмы объяснения за пределы городской среды. Наблюдатель оказывается в вакууме, где не может расположить ресурсы для описания: ему просто нечего описывать. Главный недостаток такого размещения инструментария в том, что он не только не может быть изготовлен вне стен мастерской, но и не может работать за ее пределами. Кажется, в данном случае

причина поломки лопаты не в том, что мы достигли предельного основания и уперлись в «скальный грунт» [Витгенштейн 1994: 166–167], а в том, что лопата, вытесанная из того же грунта, не может оказаться хорошим рабочим инструментом.

Так, несмотря на высокий объяснительный потенциал книги Сеннета, она смогла занять видное место лишь на полке исследователей городского пространства. Но причина тому кроется не в теоретической непригодности, а в гораздо более плотной заполненности книжной полки социологов, на которой она, кажется, несправедливо затерялась. Между тем «Падение публичного человека» представляет несомненный интерес для социальных теоретиков богатством примеров и разносторонним подход к широкому спектру теоретических проблем разного уровня.

Библиография

1. *Арендт 2000 — Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни/Пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина; Под ред. Д. М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000.*
2. *Вахштайн 2012 — Вахштайн В. Лекция «Грамматика городского пространства» из цикла «Лекции в Политехническом». 2012.*
3. *Витгенштейн 1994 — Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.*
4. *Гофман 2003 — Гофман И. Символы классового статуса // Логос. 2003. № 4–5.*
5. *Паченков 2012 — Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // Новое литературное обозрение. № 117. 2012. URL: http://www.nlobooks.ru/node/2638 (дата обращения 14.09.2013).*
6. *Трубина 2010 — Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новоелитературноеобозрение, 2010.*